

Борис Кутенков

решето тишина решено

СТИХИ

Москва

ЛитГОСТ

2018

УДК 82
ББК 84
К 95

Автор благодарит Екатерину Перченкову и Надю Делаланд за участие в составлении книги; Евгения Морозова — первого и постоянного внимательного читателя этих текстов; Александру Герасимову и Марию Бушуеву, чьё читательское сотворчество во многом сподвигло автора начать работу над этой книгой.

I

если б не музыка

К 95 Кутенков Борис

решето тишина решено / Борис Кутенков. Стихотворения. — М.: «ЛитГОСТ», 2018. — 116 с.

ISBN 978-5-600-01878-5

Четвёртая книга стихотворений московского поэта и литературтрегера включает новые стихи 2014–2017 гг. и некоторые из вошедших в предыдущий сборник «Неразрешённые вещи» («Eudokiya», 2014).

© Кутенков Б. О., 2018
© Гарбер М. Ю., послесловие, 2018
© Ивкин С. В., обложка, 2018
© «ЛитГОСТ», макет, 2018

ISBN 978-5-600-01878-5

* * *

Тишина приходит — речной и вечной
 ивовою дудочкой напрямик:
 так в лице уснувшего безупречном —
 дивный свет упрёка на краткий миг
 пробегает — ужасом дна бликуя,
 мимо, по цикадным его чертам, —
 и молочной рана звенит рекою,
 и ночным путём — незаживший шрам.
 Перейти, качнувшись, по шпалам голым
 «не о том», бездонное, как вода, —
 с побелевшим — в небо — лицом-глаголом,
 и тебя — на той стороне стыда —
 встретить — отпуская, покуда видно
 в прорывные бреши Твоих небес, —
 время, рассечённое пуповиной
 на тебя и простое «без»;
 чтобы — в беззащитном, зелёно-синем
 позывные непереплывших «нет»
 различить — и будущему с усилием
 свет простить, отражённый свет

* * *

обживающий ад языка говорит
 разлепляя молчания глиняный рот
 обвиняющему плодови́т
 обещающему пройдёт

*то не пальцы шарящие мимо нот
 то не темноту разорвавший свет
 отчего ж ты твердишь решето тишина решено
 аки ты москит аки не поэт*

*будто и не ты сотворивший цветов и трав
 разглядевший сверху что мир хорош
 губ отнявший музыку поиграв
 решето
 тишиной
 не найдёшь*

*за язык решивший что пуст и мал
 переведший с того на тот
 вместо рта вложивший цветной коралл
 жемчужовых Твоих пустот*

заслонить собой золотой огонь
 подсчитать устало кого не спас

смерть малявка рыбаца шелупонь

*только не отведи глаз
 только не отведи глаз*

* * *

Вот человек — несмываемый белый грим,
 вот нерождённые дети летят за ним,
 общей бедой обступают, единым светом;
 пепел, я ветер, как слышно, приём-приём, —
 вот и уходим дружно — вдвоём, втроём,
 и говорим посмертно:

— Видишь, теперь я — зиянье, Земля в огне,
 космос в руке, долгожданное ниоткуда;
 змейкой, как доллар, сжимаюсь, расту в цене,
 некому слышать — вот и пою повсюду;
 космос омоет седые мои виски,
 так прорастаю — неслышные колоски,
 завтра детей принесу в золотом конверте,
 именем запишу на осколке моей тоски,
 что не бывает смерти.

Так вырастаю — расщелина и надлом,
 нету меня — и, значит, живу в любом;
 а наяву — основанье для слёз и смеха:
 просто стоишь под грозой, человек-дурак, —
 если б не музыка, смутный её зигзаг,
 не золотая её прореха.

* * *

Это было пустячком,
 словом, речью, языком;
 было и не будет больше —
 не печалься ни о ком.

Было где-то и везде,
 было рядом и сейчас —
 стало длиною дорогой,
 стало памятью о нас.

Догорает папироска,
 тихо звякнет золотой;
 если что-то будут помнить —
 не забудут нас с тобой.

Где-то на глубоком дне
 ходит песня обо мне —
 спит жемчужиной в шкатулке,
 зажигает свет в окне;

вот под утречко явилась,
 нагулялась, поспала,
 по планете прокатилась,
 жизнь мою оболгала.

Где-то славой притворилась,
 где-то — правдой и бедой,
 обернулась, притаилась,
 скрылась под водой.

* * *

Человек живёт, чему-то служит,
 поясок затягивает туже,
 ищет ключик — на-ка, подбери! —
 к тишине, которая снаружи,
 к музыке, которая внутри.

— Хочешь в руки яблока ручного,
 хочешь стрелку времени прямого,
 песенку из двух согласных стоп;
 гвоздик невермора золотого,
 тщетно вбитый в твой сосновый гроб?..

— Не хочу, — качает сединою, —
 я теперь небывшее, стальное,
 тлен и мрамор, голос и тоска;
 у меня, как в зеркале, иное
 синей пулей бьётся у виска.
 Забирай обратно полный ящик,
 завтра я неверный, неземной, —
 чёрный ужас жизни уходящей,
 сын приёмный скрипочки дверной.
 Мне теперь беда — сверчок, заводик,
 тишины плавильные ключи;
 дёрну за колечко — и отходит,
 только пламя лёгкое мелодий,
 только чей-то голос из печи.
 А когда не вытянуть за лапку
 этот ужас песенки стенной, —
 видишь, там сиреневая тропка,
 хрупкий лёд, звено, архив и папка,
 синий свет зиянья и забвенья, —
 уходи, уйди, пойдём со мной.

* * *

сон на рассвете уйдёт сиять
 где голоса и свет
 вспыхнет зовущий кивнёт опять
 на ледяное «нет»

вспыхнет познавший блаженство дна
 помнящий бег карусельный круг
 «рай безъязыкий твоя страна
 много симфоний да речь одна
 камерный перестук»

спрыгнул — и кружится ватерпас
 память оставив на том кругу
 вот и ещё нетерпенья час
 я без тебя могу

в сто монологов как лес густой
 в хоры цитат-цикад
 сердце по лесенке приставной
 в твой развесёлый ад

тенью шуршать в небывалом дне
 с краешка на пиру
 слышать как ты заживёшь во мне
 как я в тебе умру

видеть как голос сквозь сон и смех
 слышится без прикрас
 помнить как все забывают всех
 смерть забывает нас

* * *

Садись непознанным, урок,
вблизи ложись, война, —
на озарённый потолок,
теней скрещенье, на

окно, в котором свет видней, —
не отвести лица, —
где жизнь страшна, как будто ей
ни края ни конца;

где взят билет на одного
(так страшно, будто — мне);
тот свет не тронет никого,
садись, не быть войне,

а смерти быть, но не впускай,
дай руку, вот рука;
как будто — пульс, лицо, трамвай, —
гляди поверх зрачка, —

как пульс, трамвай, в окне звезда
отодвигают час:
так — принимая навсегда,
так — забывая нас.

* * *

так отвыкнуть что бдеть еженощно над прерванным словом
а поймать отпустив — как ребёнка отдать в интернат
путь негладкими звеньями речи уже избалован
не взмывает над облачным «над»

в прояснённую точку ведёт по неведомым шпалам
с безысходным приходом твоим
где струна порвалась трагедийным блестящим запалом
там разнявшие руки стоим

обо всём кроме смертного смысла сказать не умея
и поэзия снова на месте замри
нет не бой соловьёв а всеядное право пигмея
с беззащитною дудкой внутри

* * *

Никогда не умерший, не погасший,
 только чёрной памяти ткань растливший,
 на мгновение выхвативший, укравший
 у офлайна, снова в офлайн вернувший, —
 так легко живу, что тебя не вижу,
 что совсем не помню, в тени играя:
 попрыгунчик, вьюнчик в руках, лови же, —
 крикнул — покати́лась звезда морская;
 и теперь живём — с пирса ноги свесив,
 поджигаем море, оно дымится, —
 только свет поёт в дымовой завесе,
 в обожжённых древних твоих ресницах;
 восстаёшь из них, отражённый слепо —
 заресничным фебом, болящим маем;
 золотой горох прорастает в небо,
 пробивает стену, недосягаем.
 В будущность такую швырнувший слово,
 ты воруюшь темень лучом у зала
 (а во сне — о записи снов большого
 жмёшь плечами: мало ли, записала
 медсестричка белая при обходе,
 освещая стыдное и смешное...);
 никогда не умерший — не проходит, —
 лишь стихам доверивший паранойю,
 протянувший нить — и во тьме шепнувший:

*ибо время быстро твоё уходит
 ибо это время твоё уходит
 ибо время время твоё уходит*

ТРИ ЭТЮДА

I

в однострунной посуде музыка живёт, звеня,
 и она говорит,
 по ручьям тонкостенным сбегая:

*отчего ты меня променял
 вот бы сейчас раздалась во мне
 тонкая точная полуслепая*

отчего не услышал меня и сигнал загасил

*если б мне приказал
 кинул в стену моё бильбоке
 я порхала б тогда на смертельных своих рубежах
 билась рыбой в моём рыбаке*

*я б его охраняла пока он по ближним бьёт
 плясала на размолом его хребте
 вызывала из небывшего боя*

кто такой и что такое
 в мельнице артериальной
 мчится по сетчатому лучу

*не услышу
 не спасу
 не замолчу*

II

в ящике скорби и радости
мимо плывут:
остатки былой музыки
вспышки огня от бывшего человека
исходящие вызовы небывших детей

*зазвучи
вспыхни
ответь*

*стану твоим Адамом
выведу взглядом из незнакомого рая*

III

почуять над собой бессрочный свет
и начать привечать своих врагов:
окажется, что этот — мир с трещиной по центру,
эта — тектонический сдвиг,
тот — закупоренный сосуд,
в который не проникает мелодия разлада

*и я не ведущее в ты зияет меж ними
древешумящая тревога передвижная
рана размытая зерновым временем*

не говори мне о своей любви

* * *

Где целый алфавит
живёт без буквы «ё»,
пробилось — и звенит
молчание твоё;
где падала стрела,
где музыка жила, —
в тех даях пробивных
всё стало тра-ла-ла;
всё стало динь-динь-бом —
печалью в мертвеце,
раскрашенным холмом
на земляном лице.
В нём город золотой,
в нём отблеск теневой —
не тужит ни о чём,
живёт само собой;
болящее ребро,
плывущее к утру
в ничто, в метро, зеро,
в «нет-весь-я-не-умру»;
чтоб в нерве трудодней —
небесном, лицевом —
стать ходиков умней,
не спрашивать, по ком.

* * *

назначь голосовую тьму
пределу моему,
чтоб звук, родившийся из тьмы,
несущийся во тьму,
ответ на оркестровый сбой,
на «невозможно быть собой»,
на день у времени взаймы, —
и был ответ всему.

когда два брата — без примет,
без родовых обид, —
белёсый вологодский свет,
вненаходимый стыд, —
один — беспамятством спрямлён,
гнездовьям изменивший плен,
другой — придушенный с пелён
«нельзя» и «на взамен»;
один — бедующий в пирах,
другой — крадущийся в дыму
туда, где ветер, воздух, прах,
и — тишина всему, —

всему — поимка, свет блесны,
где близких гнёзд не узнава-,
где станут заживо честны
глаза, слова, слова, —
не утаившие на миг
их раздвоивший слом,
возможные перед концом,
перед её лицом.

* * *

Пуля твоя, полетав у виска три года,
стала межзвёздный покой, нептун, слюдяная взвесь;
так, озаряясь икейной лампой в момент ухода,
вспыхивает покойник — и гаснет весь;
то, что осталось, — морозно и кособоко,
шлёпает в утро земное труда-да-да, —
телом — на волоске от удара тока,
ржавым жетоном в пальцах, не знавших срока,
жестом ручным, не ведающим стыда.
Так искони порожденье Твоё нелепо,
кроме печатных литер и запятых;
поезд, сошедший, ту-ту, в темноту и в небо,
утренний рубль трудовой на своих двоих.
Так вот, на стыке, прими же, — хоть срок недолог
действия комнатных бабочек и стрекоз, —
чашки недонесённой — один осколок,
темени обнесённой — один вопрос
(что я могу — кратчайший между прямыми,
рылом в подушку, в комнате без пяти? —
только — не чёрный пиар, а — запомни имя,
только — по ветру пеплом. Люблю. Прости).

* * *

Памяти Ирины Медведевой

I

Как ищущий света в горящем на воре,
как свет обошедший, что выжжен пожаром земным, —
стоит человек, и ему открывается горе,
и море непаханой боли встаёт перед ним.
Где взгляд, навсегда устремлённый в своё родовое, —
там путь пуповинный, там блудный вернётся иным, —
седым, повзрослевшим, — земля зарастает травой,
и дымом становится память, и памятью — дым.
На ощупь, слезящимся зреньем, — сквозь кущи, сквозь чащи,
где было бы проще прервать беспокойную нить,
чем ткать переправу ночную для ждущих, молчащих,
смотрящих сквозь даль — без возможности повременить.
Уже отпуская, с иного взглянуть пьедестала, —
союз нерушимый в движенье сошедшихся плит,
и можно ладони разжать, чтобы ветер обнять небывалый,
и лёгкая ноша в неясное небо летит.

II

Илье

*Глаза шитьём за лампою слезя,
Горит заря, спины не разгибая.
Борис Пастернак*

За подарок речи без языка,
за отмену солнца — сама свети, —
надо выбрать тридцать из сорока,
надо выбрать двадцать из тридцати.
На развилке безрыбья — ясны пути:
за трудом, как за горем, глаза слезя,
можно выбрать восемь из девяти;
одного из пяти — нельзя.
Даже если поющему — всё равно,
в полынье позвавшему тишину;
человек выбирает из двух одно,
если даже идёт ко дну, —
погружаясь в архив — или зная, что смерти нет,
выключает — или включает свет;
где-то есть другой, непохожий свет —
там ещё мы увидим свет.
Через дождь — пунктирный и раздвижной,
чётких красок — белый и голубой, —
там услышишь голос: «побудь со мной», —
и одна из двух навсегда с тобой,
навсегда, навсегда с Тобой.

III

последний грим прилёгший на лицо
припорошил траву
и я забыл садовое кольцо
и летнюю москву
теперь крутись забвение моё
в нецирковых руках
как радиус меж точками над «ё»
расставленных впотьмах
сперва недвижимый после раздвижной
непоправимый свет
где живы все на полосе одной
на той где смерти нет
смолчавшие кто тайну не донёс
до слёз как до дверей
и у подножья маленьких берёз
цикорий и кипрей

* * *

Памяти А. А.

Быть в ответе внезапном — под занавес, год
отупевший — за звёздные бреши пустот
нищеврода, певца, инородца, —
сквозь которые дальше льётся, как пот
материнской, пеньковой — связующий гнёт:
больно дышится, вольно поётся.

Грим уайльдов сползал — предвещаемый слом,
и слова приходили уже о другом
в артистическом свете провала:
так роняющий стёкла свои Пессоа
предстаёт в отраженье, и память сама
на осколки дробит узнаванье.

Отвергающий Бруклинку, Мойку, лазурь, —
не кривись на прощанье и брови не хмурь:
за последним — сновидцу — пределом —
не ночной фолиант, не тиснёный альбом:
только белое в розовом и голубом,
голубое и синее в белом.

* * *

всё это до снега когда по плечу
грозя воплощеньем печаль
как тщетности свет по больному лучу —
по образу сердце встречай

всё это с разбега — такого что край
что в зависти клялся б сизиф
как стук беспричинности — гостя встречай
по гнутым зажимам вблизи

на клюве принёсших дыхание драм
притворство фиалка левкой
ещё не отчётлив не верящий нам
и слух не замкнувший рукой

ещё не гвоздит разлучённостью плащ
сквозящему сердцу под дых
ещё малолюден карающ молчащ
отнявший любимых и злых

глядящий на мир из окна — засорён
причудой отставившей крах
и сердце лепечет *влюблён кто влюблён*
над площадью в красных цветах

* * *

Вот всё, что осталось: безбытность, серебряный жмых;
сквозь речи дымящийся воздух не видно живых,
ни грустного взмаха врагу, ни сложенья доспеха;
в ореховых зарослях дымный глядит адресат,
стоит близоруко — и смотрит на вечность назад,
как в нём прорастает печаль — золотая прореха;
из опыта лепет латается — сон золотой,
в бессилье сливается с вечностью слово любое,
всемирное зренье — с надмирной ура-слепотой,
и музыка медленно входит в его пулевое.

Вот всё, что осталось, — прищуренный взгляд наугад:
минута — и песня летит, не встречая преград,
она — молодая Эдита, пластинка, помеха:
прыщавая юность, скольжение поверхностных ран,
пока не сольются в один музыкальный изъян,
наличный, представший под лупой для пущего смеха.

Секунда — и, за руки взявшись, пойдут наравне:
тот — выпустит рыбу взростеть в горловой глубине,
другая — взлетит, прошумит, обожжёт, закипая;
ни сорных основ черновых, ни тетрадного шва, —
как Отче светло наработал, как старость права! —
и песня плывёт, неделимо плывёт, как живая.

* * *

Асе Климановой

*И, вернувшись, я Отцу ответила:
«Да, Отец! — твоя Земля прекрасна».*
Анна Ахматова

I

Два пути у всякого: сорная речь-ограда,
холмик трын-травы, непролазница, бурелом,
или — ужас земной оглядеть из рая,
правды в рот набрать, красоту затаить о нём.
Так — молчанья бескровный грифель острее заточен,
так — отчётливей счёт, если в Отчих объятых — дом;
что за правду, сестрица, узнала о здешней ночи,
что за тайну узрела, взлетев над родным гнездом?..
Богу — жест: на безумный Твой — не отказ ответом, —
прочь язык вероломный, себе забирай людской, —
нет: узнавшая тот — акварельным рисую этот,
свет храню путеводный, жемчужинку за щекой.

— Не гляди за окно, пушинка — чтобы не омрачило
ничего совершенства холста — живи лишь в себе самой...

Но душа за пределы взглянула — и замолчала,
и вспорхнула — заоконью упрёк немой.

II

Перед тем, как замолчать,
надо речь без провожатых
в путь невидный снарядить;
горе в бочку запечатать,
ужас по морю пустить.

Тили-тили-тили-бом,
слышишь звуки за углом?..
Это ангел речи сорной
с каждым звуком входит в дом.

Он ладонь твою погладит,
что-то станет напевать,
на кровать легко присядет —
целовать и убивать.

Будет детство отнимать,
будет годики считать.

Ти-ри, ти-ри, ти-ри-ри,
дверь пошире отвори,
видишь, немота святая
у него внутри?..

Ты открой ему секреты,
время потяни за хвостик,
расскажи свои мечты,
так скажи: любезный ангел,
милый ангел сорной речи,
дай немного немоты.

III

Возьми себе из речевого ила,
со дна того, что произнесено, —
свистульку, песню с будущим дебила,
монетку, золотую, как зеро;
из ада языка, из тьмы фейсбука,
всего, что есть ещё не ты, —
возьми пластинку медленного звука,
горячую просфору немоты;
пусть в жизни — сор, в тетради — сон небесный,
ты в нём — заданье, снаряжённый гость;
потом — легко приподнимись над бездной,
над всем, что не досталось, что сбылось;
там в зеркале — собрат, старик-ребёнок,
пускай не по тебе его пути,
но — общий звук, от пенья отделённый,
но — смерть его, что изнутри скребётся,
не выпусти — и в песню преврати...

* * *

А. К.

*Вставший в шесть тридцать
 Может пойти побриться...
 Дмитрий Шабанов*

По ошибке зашедший во двор роддома
 с позывными цветными его асфальта
 может спать беспробудным и бесподобным,
 может делать в утробе тройное сальто;
 может снова со связкой фруктов искать больницу
 или просто пойти родиться:
 закатав рукав с порядковой группой крови,
 в землю падая с криком «не потяну»,
 размещая на сайтах белёсый профиль,
 и обратно — в предродовую тьму.

По ошибке зашедший на бал счастливых
 может верить в стократное «по-другому»,
 восставить из мёртвых неторопливо,
 притворяться гомо и legens homo,
 зависать, как ястреб, посередине
 -не земной вертикали — под ропот грома,
 меж неясностью сна и уютом дома,
 укрощая хаос расписанного пути.

По ошибке взлетевший — уже ничего не может,
 ибо могут всё за него и внутри него:

белый шарик поёт под кожей, что день не прожит,
 залетает иной язык — предзакатное торжество:
 русский лепет спешит, притомившись в ночном вольере,
 под раскаты волшебных, маточных, духовых, —
 пока, доверчив и слеп, открываешь двери
 и свет случайный заходит в одну из них.

DIVERSIS PARTIBUS MUNDI

как высшую тяжесть до рейса неся
свой голос протяжный и странный
катилось наклонное слово «нельзя»
чтоб стать ослепительной раной

катился по лесу тревожный хорал
мелькало отважное «можно»
и каждый орех нараспев умирал
в просветах Господней таможни

когда же и ты просвистишь «не умри»
и слева кольнёт ненароком
всё станет как раньше до Бога внутри
до облака стука и срока

и эхо твой свист переверёт «не умру»
и будет орешник стоять на ветру
на дудочки света расколот
и песня найдёт горловую дыру
для крови чужой и законной

где вечным уколом легко и светло
зияет небывшая нота
где чище без праведника село
и небо без самолёта

* * *

когда над линцем будет дождь и над брюсселем дождь
декабрь затянется как брешь и ты во мне замрешь
легко замрешь как тишина и заметишь следы
и сердце спрячется в карман тоски и суеты

там нет зимы оно само рутина и зима
так взявший горе на слабо чуждается ума
берёт симфонию трёх нот не зная слова слом
ещё весенний самолёт не сбил его крылом

ещё фейсбука листоверт где всяк шумлив и вхож
напишешь страсть а слышишь смерть отпрянешь не поймешь
когда сбывается на треть новооткрытый брат
и сладко наугад гореть
и плакать наугад

* * *

Замирает поезд, и все легки:
спящий с рижским временем у щеки,
с гибельною дудочкой на губах,
ивовое имя её впотьмах
произнёсший, — шелест, запретный хруст —
ева, ива, — детский её альбом
пролиставший, — спи, оскудевший, пуст,
слыша имя в облике голубом;
видишь ранку возле её плеча,
поворот Земли, поворот ключа,
возле шеи длящийся поворот, —
замирает время, и всё пройдёт;
стук, не воскрешающий всё равно,
ты, в объятья падающий на дно, —
чтоб столкнуться — в ужасе, лбом, на дне, —
вновь себя прощая, прощая мне.

II

прерванным словом

* * *

Музыка исчезла за углом —
поболтала на прощальной мове,
огляделась в городе пустом,
аккуратно подпалила дом
и — оборвалась на полуслове.

Где-то здесь — не обожги ладонь, —
в голосе другом, в ином обличье,
вдалеке от странствий и погонь
теплится теперь её огонь,
шелестит по-ангельски, по-птичьи.
Погорельцев не зовёт на чай,
бликами сожжёнными играя,
а сирот, зашедших невзначай,
учит не искать ни дом, ни рай,
потому что дома нет и рая.

Потому что мёртвый — не умрёт:
режет хлеб, из крана воду пьёт,
тапками шуршит, альбом листает;
вселится в кого-то — дни крадёт,
как беда, которая пройдёт,
как беда, которая бывает.

* * *

Никогда ничего не смогу удержать —
ни огромную детскую жизнь,
ни сизифову смерть — можно руки разжать:
шар земной, понемногу катись.
Я бессмыслицей был, вундербаром, трудом,
Богом был и царём без пяти;
космос в руки — достраивай начатый дом,
отпускаю, малютка, лети.

А не хочешь — взорвись, разлетись, как пыльца,
в чьи-то двери вломись наугад;
так велит просиявшее имя Отца,
так хотел опрокинутый сад —
слух, открывшийся настезь до боли ушной,
взгляд, разверзшихся далее темней;
нет, не мучай, в раздвоенном сердце не пой —
нам идти не по этой Земле.

Эта весть — узнаю — никогда не лгала,
только чётко стирала следы:
видишь, Бога подобье — подобье стола,
хлеб и спирт у могильной плиты.
Оживают цветы — и из прочих миров
слышен дружеский хруст позвонка;
льётся песня-щегол, бьётся птица-минор,
в новой жизни поётся строка.
Сердце в рёбра запрыгнет за общим столом,
снова выпрыгнет прочь из ребра;
длится тело без музыки, прёт напролом,
дышит почва, проходит игра.

* * *

Девочка, скорлупка, недотрога,
 тяжкая, как обретённый Крым, —
 видишь монумент большого бога,
 бывшего когда-то молодым?..
 Звёзды в небо вкручивал, как лампы,
 звук цедил из раны пулевой,
 знал предел завинченной и сладкой,
 цену знал межзвёздной и кривой;
 стал неюным, бронзовым, отдельным, —
 это, знаешь, детка, не со зла:
 сладкая прошла — не поглядела,
 звёздная спасала — не спасла.

Всё в тебе, сердечко молодое,
 гнёздышко, весна, секир-башка;
 пересыпь же из своей ладони
 в землю золотого порошка.
 Где поют расщелины меж рёбер —
 прутья разожми, подуи, вдохни;
 пусть растёт из косточки вишнёвой
 сад небесный гибели сродни;
 под ребром полёта ждут качели,
 рвутся мины, всходят имена;
 слышишь, в бронзе, как в игле кощея,
 в бой идёт подземная страна.
 — Я из крови, — говорит, — из плоти,
 первый-первый, я оживший стыд;
 яблоком хрустит, мотор заводит,
 тает, слепнет, в прошлое летит.

* * *

В. Б.

I

до исхода помнить до заката
 госпитальным фонарём гремя
 словно бред — неназванного брата
 буквами созвучного тремя
 и четвёртой что в беде как в беге
 защищаясь блуда тетивой
 видит вечный сон о человеке
 никогда не вещей но живой

никогда не смерть — шаги у входа
 не полёт а так себе свобода
 мёрзлое нашариванье кода
 долгая прелюдия конца
 обязуясь помнить до исхода
 из гнезда выталкивать птенца

на карнизе ветреного года
 глядя вниз — не отводи лица

II

набоковский маршрут
 плывущая кровать
 в коротком слове «блуд»
 двум гласным не бывать

покуда весел сон
 у бреда на кону
 по-джойсовски сплетён
 в нечестную страну

там крым ещё не наш
 и в лете нутряной
 купает карандаш
 реве очередной

и клюв ещё закрыт
 у птицы на гербе
 и кондопога-стрит
 не помнит о тебе

лишь в космос бьющий свет
 бессвязного пера
 плутающих комет
 забывших про вчера

* * *

Страшно в черепе гулком среди рыб и стрекоз:
 тишина, безграничный вопрос, —
 а когда-то в нём космос ловился легко
 на крючок золотых папирос;

невесомую речь отпевала страна,
 отгружалась легко от земли;
 в нём сказали жильцам: вас таких дополна, —
 и они прозвенели-ушли;

мог в разведке служить самый зоркий из них,
 речи косвенной глядя за край,
 но сказали ему: вас не нужно таких,
 спрячься в землю и не возникай;

и теперь он лежит — звёздный свет в голове,
 рукава в поднебесной золе,
 но привстанет — и вмиг по приказу его
 тишина зазвучит по Земле;

откликается строй переросших беду
 (нам ли мирно покоиться, гид?),
 и беда с рыболовной блесною во рту
 в черепной тишине говорит.

* * *

по радио звучит печальное
 под йодом дотлевет пробочка
 а кто-то достаёт перчаточку
 и смело нажимает кнопочку
 кому на кон монету медную
 кому ложиться в землю мёрзлую
 а кто-то надевая сменную
 легко проходит в смерть гримёрную

там перед ним ошибки прошлого
 сто мнений правые и левые
 все карты вещие разложены
 и слепнет город под обстрелами

страданья потайного вертера
 гаданья грошик нарисованный
 и землю что напрасно вертится
 он видит в дырочку шприцовую

вот праздник и гостей немерено
 салатный флёр забота ложная
 он синий шарик ставит медленно
 на место как ему положено

пойдёт налево песнь базарная
 жара медовая пчелиная
 он провожает гостью за руку
 внезапную и молчаливую

она уходит выбрать равного
 чего коснётся тлен и золото
 и на земле бело и мраморно
 и в небесах легко и молодо

* * *

Мать убитого сына три ночи ждала и три дня,
а заснула — и слышит сквозь треск фронтовой,
как с чужой стороны возвращается голос родной:

— Я не видел тебя так давно, что замёрзла вода,
стали волосы снегом, а сердце — бронёй ледяной,
и со дна опустевших глазниц восстаёт тишина,
с каждым боем часов превращаясь в бессмысленный вой.
Говори же со мной на одном языке, как тогда,
говори, говори же со мной.

То не стрёкот в моей голове, не часы на руке;
как расстался с тобой, то не пули свистят надо мной,
то стучит моя смерть от тебя вдалеке,
не считая отныне ни пульс мой, ни быт мой иной.
Мне осталось так много в моей безлимитной стране,
говори, не считая минут, говори же со мной,
говори, говори же со мной.

Говорит ему мать:

— Уходи, ты на что мне такой,
я три ночи ждала — всё встречала вдали поезда,
я три дня не спала — выходила на берег морской,
и меня в свой степной хоровод вовлекала беда,
танцевала со мной и кружилась легко надо мной.
Так сроднились мы с ней, что её не отдам никогда;
уйди, я не знаю тебя, ты на что мне такой,
уйди, ты на что мне такой.

Мне под каменной маской беды хорошо, как в раю;
до виска не дошедшая пуля — танцую легко;
как лицо, искажённое горем, — свечусь и пою,
тосковать разучившись о тех, кто давным-далеко,
о нашедших дорогу свою.

Стала песней сама — и ни сердцу теперь, ни уму,
стала облаком смерти — и таю в дыму фронтовом,
вырубая пластиночный шорох движеньем одним;
свет мой горем теперь осиян, — вот и каюсь ему,
слышу, слышу, зовёт, — вот и плачу ему об одном,
умираю легко перед ним.

* * *

Игорю Хохлову

I

кто стреляет до зари
в расписное молоко
что-то щёлкнуло внутри
что-то умерло легко

было криком ни о ком
стало ужаса прямой
повертелось флюгерком
потопталось у дверей

вот и входит словно перст
ходит медленной иглой
симфонический оркестр
песня раны пулевой

уводящий за собой
не заживший никогда
смысл пружинный заводной
драгоценная беда

II

с тех пор как высший вместо языка
мне грамоту вручил сродни китаю
читаю смерть в сосудах старика
в любом ребёнке тишину читаю

с тех пор как вынул прежнее ребро
и новое вложил дурному сыну
в словах иуды слышу серебро
сад гефсиманский вижу и осину

удары над луганской тишиной
елабужские сени в день воскресный
счёт ложек перестук земной
зыбучий нараспев песок небесный

речь бисерна песка припасено
для всех часов для решета и ветра
а песня промах цска зеро
но знает у ворот первой всего
что спросят и на что ответит

III

Ничего ещё не кончается:
шьётся крестик из прежних строк,
на развилке стоит-качается
смерти песенный флюгерок;

камень точится, бисер мечется,
что-то вечное решено;
рыбкой ловится речь-советчица
в социальное решето,

медлит времени тон учительский,
память чистится в свой черёд;
адресат на доске не числится —
он из лепета опыт пьёт:

горло вздрагивает, как маятник,
ходит в небе четвёртый Рим,
и фиаско оркестрик маленький
расступается перед ним.

ПЕСЕНКА О ЛЬНЯНОМ ЧЕЛОВЕЧКЕ

Здесь когда-то ты жил: вёл дневник и ходил на завод,
в юбилей грустил, поджигал беспонтовое море,
а однажды вспорол свой непрочный живот,
а однажды вспорол золочёный живот
и вогнал тишину в поднебесье своё, лукоморье;
и теперь у тебя за надёжной стеной
заражён тишиной человек льняной,
где поёт — начинается горе.

Он поёт на весь мир — отвечает ему тишина,
подпевают мобильные тени, могильные грядки;
человечек-убийца, дитя подожжённого льна,
но тебе хорошо, ты беспечно кричишь: всё в порядке!
Я гляжу на тобою покинутый дом;
скоро всё разберём, прочитаем с трудом
все архивы твои, все тетрадки.

Ты познал волшебство раздвигать музыкальный туман,
проступая из тьмы звуковой, словно сор из-под века.
Я смотрю на тебя: безнадежен, и счастлив, и пьян;
лает пёс, величав караван, приближается Мекка.
Ни на что не сменяешь прекрасный обман...
Человечек льняной, что мне Крым, что Майдан,
если рушится жизнь человека?..

* * *

ставший горячей точкой планетой алой
сном о последней встрече о после-тебя-тоске
смотришь теперь на мир как большой на малых
землю сжимая в спичечном коробке

под телескопом смешливым твоим усталым
долго брести мне из офиса налегке

сверху красиво в тумане плывёт земля
рим на ладони зальцбург мюнхен и вся европа
видишь как двойника что остался не у руля
душат любовь и жалость беда и злоба
время приходит и бьёт его под ребро
возраст приходит и ставит зеро тавро
рядом собрат и сочувственный взгляд циклопа

*всё хорошо не грусти обо мне родной
всё искажение речи и телескопа
видишь монмартра огромные тополя*

*это планета светло завершает круг
празднична гибель её в золотом и белом
радуйся радуйся имя твоё сам-друг
будет звучать покуда не тает звук
слухом кузнечика тонушим децибелом
в аудиокнигах приветах пожатых рук*

бог завершает внутренний монолог
и остаётся вотще одинок двойник

весел момент финальный и плеск весла
счастлив шагнувший с орбиты в туман дрожащий
в имени бога в облике ремесла
в звоне его обличительного стекла
больше
не отражаясь

* * *

*Андрею Ширяеву
Леониду Шевченко*

Когда прощальный допоёт гобой
и от Земли, оставленной Тобой,
останется один согласный возглас —
и время не играть, а отпевать, —
возьми лопату, скрипку и тетрадь
и закопай меня в продольный космос.

Мелок в ладони, спички в коробке;
там за меня на пасмурной доске
продолжит жить врождённая досада;
как за покой — крошачимся мелком,
за всё отвечу — горлом и виском,
а мелкое — и вспоминать не надо,

а мелкое — обида, камень, речь;
пусть падают с обветрившихся плеч
Твоей земли нахохленные комья,
и ком, спешащий в гору наугад,
фиксирует мой отчуждённый взгляд,
как общий свет бесснежья и бездомья.

Захлопни крышку — бац! — живу один;
ведёт во тьму фонарь небывший сын,
и корабельный руль устал и звонок;
несёмся в смерть, размалывая плоть,

как бред и брат, как небо и Господь,
щека и бритва, нежность и ребёнок.

Билет и поезд, лётчик и полёт;
скажи мне, кто кого переживёт, —
сгорят обои, кончатся патроны;
промчатся вспять и облака сбивать —
не забывай меня, не забывай! —
и в фарисействе голос мой потонет.

* * *

Марине Гарбер

I

Под откос отправляется частная жизнь музыканта,
 долго-долго летит охмурившую музыку под;
 водит за нос легко — а потом тишина возникает,
 проясняет и зренье, и путь, и с обрыва ведёт —
 мимо сонного века с идущим его караваном,
 мимо строя живых с их майданом, бессилием слов,
 слухом их восковым, ножевой правотой караванной —
 вверх, где пенье разбитых бокалов и пир мертвецов.
 Вот и друг твой предавший — не хуже других и не лучше:
 равно горек разломленный хлеб, неоплатен кредит;
 вот свинец достает из груди двухсотлетний поручик
 и с зияющим лёгким на Землю победно глядит.
 Катит шарик сизиф, проклиная надёжную участь,
 стон отчётлив и чист — но врывается эхо-волна,
 искажается звук — и ни слова не слышит живущий,
 лишь одно благодарное пенье, мотив сладкозвучный,
 и длиной в расстоянье до космоса песня темна.

II

Посмотри — за окном перебежчик с огнём:
 между этим и тем легковесную связь прерывая,
 он — беременный слух, он — помеха теперь шумовая:
 был — и вышел в оконный проём.
 Человеку звонят с того света, из Божьей таможни,
 говорят о долгах — но оплата уже невозможна,
 и возврата ярлык на бессмысленном даре твоём.

Посмотри за окно — уменьшаясь в пятно,
 человек исчезает, неся за плечами тревогу;
 а когда бы не дар исчезать — не сгодился б и Богу —
 с нищетой и заплечным тряпьём;
 узелком на платке, чуть прорвавшейся болью фантомной, —
 всех послать с их счетами, осмысленной их правотою, —
 но возврата ярлык на бессмысленном даре твоём.

Посмотри в небеса — склады, явки, долги, адреса:
 страшно, брат, говорить на твоём, поднебесном и алом;
 перед рейсом на Майен, где очередь граждан усталых, —
 там ещё постоим-поживём,
 там подержим билеты в руках до возврата;
 а потом за подаренный хлеб наступает расплата —
 и возврата ярлык на бессмысленном даре твоём.

* * *

Так свет и ужас говорят,
согласные друг с другом;
со звуком спорит звукоряд,
лопата спорит с грунтом;
на несколько часов подряд
дождём заряжен водоём;
так смерть гласит через меня
вседневым словарём.

Так знает смысл о нас самих,
до времени разжёван,
и сбитый залпом грозовым
невидный прокажённый, —
осмеян всеми и забыт,
но не забывший ни о чём, —
встаёт — и в голос говорит
о царствии своём.

* * *

Вот идёт дровосек осторожно по минному лесу,
от гранитных шагов разбегаются тополь и клён.
Дровосек состоит из сочащихся кровью надрезов,
правдорубских катренов на теле железном,
из подлеска неприбранных коек и съёмных имён.
Дровосек состоит из подъездных паролей и явок,
из облупленных фото и взорванных братских могил;
раз пройдёт — открываются чёрные ямы,
два пройдёт — возвращаются старые язвы,
и сверкает из рубленых крон полустёртый винил —
и поёт, и ему откликаются в такт мостовые,
поджигаются сами собой под загадочный стук.
Раз удар топора — и заводятся песни блатные,
два удар — зацветают цветы неживые
и танцуют кресты у постелей случайных подруг.
А потом — ничего: обрывается страшная плёнка,
замолкает мелодия вальса, но спят облака;
только авторов музыки в титрах почтят поимённо,
только сполох сверкнёт самолётный, и пахнет палёным,
и в заросшую рану ложится чужая рука.

* * *

Лес горит — прозрачным ли, золотым,
царь в отлучке — дачи ли, отпуска;
человек сам себе наречённый дым
с торфяною музыкой у виска;

сам простреленный дерева тихий ствол,
танатос и хронос полупобед;
он искал дорогу — и не нашёл,
он хотел сегодня вернуть билет,

но над кассой вновь — невозврата знак,
хоть лети в астрал, хоть под землю лезь;
неприметный гость, постоять вот так,
на ветру докурить, потушить вот здесь;

как звезда во лбу — подступает ночь,
на окне табличка — ветшает речь,
повторяя сквозь дым: никому помочь,
никого вернуть, никогда сберечь.

* * *

Ухватить бы момент фотовспышки, когда до предела
речь сама не своя, — всё становится наоборот;
нет, не голос уже — гаснет свет, и застолье редеет,
спит Земля, произносится тост, отверзается рот.

За *уже-не-слова* — но ещё и не то, что важнее, —
на дорогу выходит, и слайд под ногами плывёт,
искривляясь в трагическом смехе, как в маске Орфея;
бьёт под дых, обнажается смысл, проливается йод.

И тогда — погляди, как в гримёрочной гулко и пусто, —
в небесах тяжело, но до края наполнен бокал, —
от полутора странных людей происходит искусство:
бьётся частная жизнь, пьётся джин, аплодирует зал.

Постоять на подмостках ещё — но зовёт гробовая
тишина, приближается звон, по-пластунски ложись.
Бьётся рыба под током — вольно ей от края до края.
Холодеет душа. Открывается дверь. Продолжается жизнь.

* * *

Дане Курской

Смотри, пока небесный доллар высится
и клонится к закату рубль земной,
как жизни ослепительной бессмыслица
горит себе за тоненькой стеной;
с ней крошечная речь на убыль катится,
но, если медлит срок и жжёт строка, —
жив человек — и с ним его невнятица
пророка, псалмопевца, дурака;
есть человек — и в нём его агония:
он мелет чушь, кутит, лежит ничком;
из сора прорастает мова горняя
просфорой под блаженным языком;
из нищеты заборной опыт лепится,
нет слепоте ни края ни конца,
но жив певец — и цепок взор-нелепица
кретина, ясновидца, мудреца.
Ещё пошлёт корыто в утешение
ему уплывших рыбок хоровод —
за тщетность всех надежд и мятежей его,
за ложный шаг от берега вперёд;
за то, что все осколки станут золотом
в бессильной нескудеющей руке,
за немоту небес и кровь-пособницу
на плодovitом косном языке.

СОЛДАТИК БЕДЫ

Оловянный солдатик беды протирает окно —
убедиться, что жив, что бывает бело и темно,
бьют часы, проступают молчащие слева и справа;
синий катится шар, на снегу дотлевают слова,
и в тумане горит раздвижная его голова —
млечный путь, беспокойная стража.

Он докурит во тьме, досчитает до трёх и до двух,
свистнет вслед уходящим — проверить колеблемый слух,
стук сердечный с прощальным отсчётом не спутав:
снова живы непрочного знания слои,
смерть исправно везут речевые мои муравьи
убывающей фабрики звуков.

Кто ты, звук распоследний — пророк, проводник, дурачок —
погоды, потерпи: как я знаю сценарий и срок,
покупные бинокли и купную чашу по кругу,
скрип симфонии плуга, все зёрна Твои, колоски, —
только шея холопья не станет ни флейтой тоски,
ни маршрутом к ушедшему другу.

Отойти от окна, замереть, ничего не понять:
может, прочь с высоты полететь, может, дачу нанять,
может, просто сгореть, рухнув заживо в свет обретённый, —
и в бессилье смотреть из большого Вчера
на сожжённую глину — изделие в руках гончара,
на молчанье во рту камнетёса.

* * *

На побывку вернулся из смерти солдат,
 слышит голос весёлого Бога:
 «Ты откуда, детина, и скоро ль назад?
 Что за думу несёшь мимо вех, мимо дат?
 Видишь злато — гребни на дорогу».

Отвечает солдат: «Ничего не возьму,
 не хочу ни горчащего млека,
 ни болящего сердца в придачу к нему,
 ни надёжной тюрьмы, ни побега;
 ни гордыни босяцкой, ни щедрых даров —
 хоть от Бога они, хоть от века.
 Я давно уже музыка, вечность без слов,
 и не надо мне прав человека.

Человек шевелит золотым плавником,
 прячет тайну вблизи уловимо,
 держит флягу с вином и семейный альбом,
 создаёт из ребра двойника на потом,
 как запасы на чёрную зиму.
 У него — без конца и без края тоска,
 всё — творенье руки, осыпанье песка,
 вновь беда без конца и без края;
 мне же в чашу — любая водица с лица,
 а к чему прикоснусь — всё бессмертье, пыльца,
 невеликая пыль золотая.

Человек разевает бессмысленный рот,
 обживает печаль, как тетрадку без нот,
 бьёт ножом в родниковое брюхо;
 у меня же — безводье звенит и поёт,
 а едва позову — подступает народ,
 эти полчища зренья и слуха.

Я попробовал счастье — да скучно оно:
 невод с рыбкой одной, неглубокое дно,
 по-соседски глядит близоруко;
 всё отдал — и не жаль разбазаренных дней,
 берегу лишь зарубку от крепких цепей
 да прозренья смертельного звука».

* * *

куда бы смертный от белковых тел
 ни мчался пряча в недрах долгий ящик
 звенит один лица водораздел
 молчащий помнящий и длящий

там прерванная речь возносится над ним
 бдит над оставленным вполглаза
 цикадным нимбом словом выхлопным
 («ни крыма твоего не надо ни кавказа»)

и зреньем отнятым
 сторожевая
 листая человека средний том
 конвенций толщу прорывая
всё видит в облаке одном

сдвигаемый предел последних нот
 с прилётом циклопического брата
 там за чертой гудящей напролёт
 сверчок над умершим поёт
 горит зелёный ужас чата

...и слов уже не разбирая
 в свет бесконечный под дождём
 летит ночная шаровая
всё видя в облаке одном

мелькнувшее в прорехах на мгнове-
 сквозь шумовую собственного ада
 преследуют случайных две
 которых разобрать уже не надо

...лишь медленную память грея
 впустить болящего в проём
 жить по-иному не умея
 жить — вообще-то — не умея
 и тлеющего об одном

но видя в облаке одном

* * *

Ване Маркову

Монастырскую братию не буди:
 пусть идёт человек с нечужим огнём —
 мимо ордена спящих в его груди, —
 и в лакуны простреленного «приди»
 то, о чём невозможно — и не гуди, —
 проникает — и бьётся в нём.

Утоли — музыкальным, чтоб не гудел, —
 рыжий сполох чумную тоску его,
 чтобы если память — провал, предел,
 то на выжженном — таинство, торжество;
 вьётся вслед отходная — и не сдаёт
 вымиранья ни пяди — кровит, поёт
 эпитафия — вымершая стезя;
 артистичен пусть будет его подъёб,
 сквозь туман прозрачно, «о чём нельзя».

Темноту выбирающих по плечу,
 сто пустот расставляющих по одной —
 ноша, нож, тишина за грош, —
 не буди, тихо-тихо шепни лучу:
 пусть поспят в облаченьях «люблю», «хочу»,
 пусть настигнет их утренний, подрывной
 дымный свет «не твоё», «не трожь».

Завтра будет обочинный таять лёд,
 выпадать из сознания проклятый год,
 удивляться спонтанный гость:
 — Вот какая ты, родина, брешь, душа, —
 и спешит за музыкой рубежа,
 и проходит её насквозь.

* * *

Так холм, отбирающий слух у цветка,
 коснётся легко и полого,
 и близко к лицу прибирает рука
 певца, сироты или бога;
 гневливо метёт за версту от беды
 по комнате звучной и тленной;
 мне больно, мне кажется, я — это ты,
 твой бред родовой неизменный;
 ты — речь беспредметная, та, что слова,
 я — дар пустоты бестелесной,
 ключи отдающая песня жива,
 родившая музыку бездна;
 а ты, что наотмашь поёшь и болишь,
 готовишь небывшего брата, —
 пусть будешь спасенье, софийская тишь,
 не помнишь — и помнить не надо;
 а тот, застилаемый зреньем ручным,
 в остатках сметённого грима, —
 пускай плодоносит, как ветер и дым,
 и вынесет, что выносимо.

* * *

когда без края и стыда
война войне войной
прыг-скок по горлу немота
стеклянный шар земной

с орбиты прочь и дотемна
(пропеть пропел пропой)
тогда две доли путь зерна
сравниваемся с собой

там песню сложим наравне
с тем что не я не ты
напев её из глухоты
слова из немоты

взрастая книзу слепотой
в историю страны
и прежний мой упрямый мой
ей больше не нужны

она мелодия без рук
симфония без ног
а вслед (понять пойми испуг)
в двулличии упрёк

и кто бы поравнявшись с ней
узнал (стоять стою)
чем обречённой тем верней
у речи на краю

III

за всё что не доплыть

* * *

марсианин живёт полупьян неуместен и розов
 среди трезвых земных азбук морзе порезов неврозов
 в небе родины свет а под ним золотая руда
 и не видит никто как война за войною
 отделяется тельце его кровавое
 и становится блюдом труда

он ещё состоит из пунктиров и точек
 выгребных ипотек и некупленных тачек
 капилляров заросших сожжённой травой
 но меняет обличье цветной переводчик
 но качается сердце отвергнутый мячик
 превращаясь в блистательный сбой

астроному мерещится тортик на тысячу свечек
 близорукому мнится чем дальше тем чётче
 не гуляющий сам по себе оторвавшийся тромб
 а спешащий без меры смешной человечек
 но внутри прорастает невидимый счётчик
 из неслеланных дел и нехоженных троп

лишь порою в чужую отдельность врывается птичка
 прочь обратно стрелой марсианской сестра-одиночка
 то не цепи звенят не её дорогие понты
 то горит заклинанье — молчанье в любом разговоре
 и ночами гудит подождённое море
 несравненной моей глухоты

EXSTINCTIO GENERALIS

I

слух мусульманский, ошкуренный, сердцевинный
 утром небожно обжёт, и узнали мы,
 как накрывает огонь об угасшем сыне
 божью коровку невыносимой тьмы,

как ударяет ладонь в стороне от грима —
 вся в несметённых зёрнах обид — а вслед —
 время проносится — зримо, весомо, мимо, —
 и не вскочить, и не вернуть билет.

II

первой мать проходит, а после — миф.
следом — мелос праздничного помола.
остаётся отзвук, предупредив —
перебоем анненским, слухом голым,
где-то в левой, между «семья» и «школа», —
что в игре — чуть седой сизиф.

между «не бывает» и «за углом»,
в подреберье скачущим эпилогом, —
через час — земля, небольшой надлом,
просодической ранкой в живце и боге;
через два — цветы и трава,
тайной прорастания меж пологим
и упрямым её холмом.

первородный грех, музыкальный крах.
постучался? глянь же, бровей не морща,
как твоя просодия гибнет в мощных,
молодых и хищнических руках.

вот её воруют и в сон уносят.
вот из отрезвлённого сна взгляни —
как бредёт мирами в беде и в позе,
словно рейн, дорогой иосиф,
в архизвучной твоей тени.

III

где-то на расстоянии краха
размером с оборвавшуюся пуповину
под прицелом родовой грёзы
человек стискивает зубы
в стенах твоей коммуникативной тюрьмы

*уходит не сберечь
и линия тонка
а как тебе друг-речь
в пределах языка*

*скороспешного
самоубивающего
едва выходит из границ
твоего внутреннего диалога*

не покидай размеров моей интуиции

*так рана между строк
звучащая река
а как тебе сынок
в пределах языка*

*исчезнувший подъём
и не догнать причин
пока ты о своём
и занят чёрт-те чем*

*полётами разборов
прицелами затворов*

отмолчавшее
прикровенное
без пределов — кругами вширь

страшной силы послевоенную
знать на смену тебе снегирь

* * *

сыграем со мной в спасенье
там город затоплен мой
он бедный простудный трудный как всё земное

и я не могу не могу не умею спасти
я только работа с шести до шести
и божья дудка во всё остальное

сыграем со мной в рожденье
ты сын нерождённый мой
меня от рожденья укrywший войны и зноя

я буду шатаясь пьяна
ты — работе ни сна
с тобой не воюя
я мать я глухая стена
я замкнутый слух и обитель покоя

давай поиграем в полдень
прожаренный детский людской
там путник незрелый срывает малину домой
там слышится пенье нестройное хоровое

*я имя губное на лице его
просвет иллюзорный на теле его*

и взрывчато рот разеваю
и вновь не спасу никого

иди драгоценным путём

*не сворачивая
не ноя*

* * *

Д. Ф.

I

я не помню тебя живой
ты не помнишь меня живым
это осень вода стеной
время смывает грим

это яблоки рай дожди
размывают больной висок
говоривший не уходи
больше не одинок

остаётся медленный дым
заглушаемый голос в конце
кто живёт по законам другим
растворится в чужом лице

полутьма замыкает круг
мел доска... «в жизни Мцыри... дня»
тишина отмотать фейсбук
ты не помнишь меня

II

*...Я тебя не забуду
в том краю, где по улицам вьюга-метель метёт...*
Из песни

размывается речь и навстречу её гололёду
обнажая лицо размывая нетронутый лик
два мохито и с мартовским гримом плывёт на свободу
твой ночной переводчик тайландский цветник

меж двумя языками натянутый парус беспалый
райский сад ослепительный дождь
я потом не умру потому что больней не бывало
ты уже никогда не умрёшь

это яблоки смерти кружат как снаряды
сквозь бокал отражаясь в осколочном блике лети
и мертвец возвращается в тело вдоль дома и сада
распрямя остаток пути

* * *

Так лайков не ждут, — только лайка, и вот —
внезапный, сверчковый, земной,
ночной пикировкой спускается, гнёт
пространство в ошибку длиной;
сбивает гримасу — и в свете конца
лицо предстаёт без прикрас;
на родине времени, пыли, свинца, —
там ты забываешь о нас,
там бог забывающий длящихся миль
уходит, взметая прозрачную пыль,
на родину нежности — лёгшим листом,
куда всё вернётся потом, —
где всё до тебя — и забвения нет:
трепещет в руках остановленный свет,
и бабушка режет о смерти, о сне, —
и гулкое бьётся во мне.

* * *

*...и от рожденья изувечен
Ожогом музыки в мозгу.
Сергей Славнов*

ворован воздух три мешка
нести не расплескать
речь станет заново легка
как леска и блесна

а через трудный рыбий вдох
(расплатишься ещё)
речь станет крах и станет бог
открытый станет счёт

сверкнёт подробным золотым
(наплачешься ужю)
во рту её жара и стыд
и музыки ожог

ей кто-то внятней тет-а-тет
сумеет объяснить
подлёдный ход её побед
которых нечем крыть

*(по горлу водит и в ответ
уже не говорит
за всё меня благодарит
за всё благодарит)*

* * *

Серафиме Орловой

I

по третьему звонку гаснет свет

из тьмы выступает человек из плоти и крови
 тень твоя и отделившаяся юность
 живущий автономной жизнью шанс на счастье
 («с чего ты взяла, Надя, что должна быть счастливой?»)

зеркало опознаёт его по особым приметам
 родинке на правой щеке
 желанию охватить всё на свете

ты опознаёшь безошибочное движение времени
 по отсутствию общего культурного кода
 вавилонскому безъязычию

*мы были две живых души
 но неспособных к разговору*

каждый говорит слова
 на русском языке
 из букв алфавита
 «с уважением, такой-то»
 «читал вас в периодике и читать намерен»
 «поздний гандлевский мне нравится больше, чем ранний»

*«твоя искренность заслуживает уважения»
 «ключевым различием между нами является...»*

паузы между телами соприкасаются
 детонируют от случайного разряда
 каждый отправляется обживать персональный ад
 фейсбук записные книжки иные иллюзии соприсутствия

в зале включается свет

II

как цепная речь толкается изнутри
чёрный лебедь вспархивает с плеча
немота наряжается наготой
зеркальной гудит лакуной
к человеку вторгается отвори
в еврозону без визы в свет его белокурый

говорят ей
*не сторож я птицам твоим цепным
не советчик не врач обречённой речи
у меня погремушка в руках золотой кыштым
откровений чужих ларец
обретённый дым
подожжённый дом
задохнёшься ступай далече*

*кому мать родна кому цепь длинна
путь спрямляя сойти не даёт и звенит и блещет
всё при тебе внутренняя война
космоса глубина ужаса тишина
чёрная тень нерождённой вещи*

выбить дно и выйти в срок
там на донце жизнь иная
если нет иных дорог
остаётся хоть какая

и отпрянуть как от удара в лоб

*опытом замолкая
музыку извлекая*

* * *

Ольге Балла

I

лето кругом но заказчицы крики слышны
клейкий апрель но запрещен освенцим весны
долгая память о долге звенящая травма
спицы в руках озарённых ревуций хайвей
так недоволен усталый работой своей
в шахматных клетках истаяв среди главных и равных

светом своим сотворённым
работой ума
так недоволен — как пористым камнем тюрьма
искорка-эврика — пламенем слова и дела
пылью цитатною — вьющийся шершень медов
о собирая плоды заповедных трудофф
тыла такого ли пыльного ты ли хотела

совьего круга сменившего шар голубой
в этом раю понимают что делать с собой
пыльные думы листают и книги лелеют
не разгибая и не раскрывая небес
взрывчато деревце
(зёрна огонь гудермес)
шаг до побега
(но сердце победно левее)

топчет
помнись ведь есть же пути напрямик

книг ломовые хребтины
 бытийный дневник
 зренье слепца и нетрудная ночь трудовая
 многих желая в кровинках натруженных рук
 постит и постит
 в Твой неблагодарный фейсбук
 главного не выдавая

II

на птичьём ли человечьем ночном
 гудит достопамятный сад
 туда не надо там днём с огнём
 давай туда там будешь мне брат

и что нам запретным ещё желать
 усталый мим предвоенный гном
 пойдём со мной там будешь мне мать
 туда не надо там днём с огнём

и главного не сыскать

сам буду себе гудермесский лес
 сожжёнъя ждущие стопки книг
 берущий и бьющий их дар небес

будь жрущее пламя а я дневник

за гранью запрета один буёк
 за тысячным текстом бодрит усталость
 все правки отмечены жёлтым
 и не страшны

*и что нам редактор ещё осталось
 и что нам осталось
 что нам осталось*

кроме вины

* * *

когда оставит глядящий сверху,
 молчащий рядом свернёт в кусты,
 когда взвелят корректурой, сверкой,
 дозором — памятны ли, пусты
 бессмертья сети, — мы станем смертью,
 редчайшей правкой до темноты.

ты будешь речью в пределе зрячем,
 всем обращённой и никому,
 я буду бденьем, водой горячей,
 хлопчатым бытом в чужом дому,
 где побеждать — над плитой маячить:
 темно и празднично, как тюрьму.

слепыш, застенным ведомый, — падай,
 плети, пифиец, уральский миф,
 и, прорываясь сквозь свет в заплатах, —
 молчи, поющий, покуда жив, —
 ночной, стрекочущей, простоватой,
 из расставаний тебя слепив.

тогда подуем над сном, закрытым
 предельной крышкой, идя во тьму,
 и называть тебя братом, бытом,
 чуть устаканенным «почему»,
 разбитым сном, золотым корытом, —
 да будет песенно моему

не-у-ны-ва-ю-ще-му

и светлый воздух прохочет рядом:

— вот видишь облаком бытом братом
 застенным зреньем
 бесстрашным взглядом

иди к нему

* * *

час говори с проходящим по кромке, ацтек,
сердцем, и впрыгни обратно — в зародыш тугой,
в поздний троллейбус, и — к небу, которое — снег;
поездом, к праздничной ране, которая — сбой.

дальше от часа разрушенных первоначал, —
время стозевно подкралось и клацает, ам,
тех гробового исхода, кто люльку качал,
не удержать — безвозвратно трещащих по швам,

лгущих, и рвущих, и бредящих в сне родовом;
плачь по оставленным гнёздам в недалнем дыму,
пусть же приходят слова в облаченье другом —
с видом на лес вологодский, сороку, тюрьму,

снова в сиянье срываясь, в просветы пустот;
вырвать у тьмы, перейдя на родительский крик,
зреньем слепым ощутить — и почувствовать: тот —
мал осязаемо, неудержимо велик.

едуший в санках, просящий бесслёзное пить,
после, зарвавшись, желающий классикой быть, —
не столбовую дворянкой — бездомным «прости»,
смертью, на треть протрещавшей к ночным тридцати.

* * *

как прижатый вагонной дверью щегол
слышит весть о вещах незабываемых
от иосифа кобзона и оксаны фёдоровой

как цепная ласточка бьётся в чужое стекло
неизменно притянута обратно
выучившая всё назубок

так современный тонио
принимает на веру танец инге и ганса
белокурых и голубоглазых
работая не покладая пальцев
не сходя с дороги

...из каких ещё горних сфер
донесётся прямая весть
что не ждать коня и полцарства?..

но из браков и срывов как пунктирный штрих
рождается бог

вопросителен
неровен
одинаков

* * *

Алексею Чипиге

таков познания шлюз новооткрытый
 профанную отнявший речь
 лучится золотом разбитое корыто
 и нам смешно себя беречь

а лишь о повседневном — до раздора
 молчанье отнятое — вавилонский звон
 (гляди в окно — из розового сора
 то пенье не о том ли — патефон:
кто влюблён кто влюблён кто влюблён)

на площадь алую за проданным наследством
 где наблюденья принятый конвой
 нас окружает праздничный и тесный
 лишь голос пристальный и отчуждённо-детский
 звучит над спящей головой

* * *

сквозь прорывных небес
 сочащийся покой
 бликующий порез
 становится рекой

сквозь голос не о том
 сквозь гром и тарарам
 становится путём
 твой незаживший шрам

чернеющий лицом
 взмывающему над
 и мы вперёд плывём
 куда глаза глядят

где ты глядишь меж строк
 рассеянной больней
 и спящее — упрёк
 бездарности моей

за всё что не доплыть
 сорвавшись беглецом
 и в будущность простить
 уснувшее лицо

* * *

Свет в окне вагонном — но Бога нет,
сон на верхней полке — но рядом звон:
чья-то речь — осколок, фейсбук, буфет,
прямота, которой лежишь, спрямлён;
чуть стемнеет — видно во все концы:
вот — река Запястье, следом — река Янцзы,
дом, нависший теменью за углом,
лёгкий блик в молчанье незолотом.
Здесь — уснули двое, и каждый прав;
там — на гроб похожий, сдвигают шкаф,
в тишине — рука, и во тьме — рука:
я предам условности языка —
за окно, в котором — вокзал, судьба,
за стрелу, что в ладонях лежит, слаба, —
возвращаясь, ручная, вдоль долгих стен,
не простит измен, не простит измен.

* * *

Марине Вахто

I

между совестью и пыткой
недобитком и царём
проходя безбожной ниткой
сквозь верблюжий окоём

ходишь цацей ждёшь трамвая
от заплаты до звезды
клюв неловкий разевая
в царстве общей правоты

хлынул в память храм шутейный
божьих нищих и теней
никаких теперь истерик
чем печальней тем верней

как пейзаж творца-калеки
быт бездомен суть проста
профиль недочеловека
Божий лик на полхолста

чутко вглядываясь в лица
лишь сама едва видна
поцелованная птица
окаянная беда

то ли космос на пределе
то ли лодка на мели
полетели полетели
крепко руки развели

II

К человеку тоска приходит,
когда он не человек;
стирает землю с его лица,
а потом и само лицо,
говорит: нищета в тебе, сиротство да тлен,
говорит: куда ни ткнёшься —
езде нигде и всегда никто,
места нет тебе на моей Земле,
и даже я с тобой не от мира сего:
почуднела, скурвилась, пострашнела.

Лишь промою сиротство твоё ключевой водой, —
там — заплатка яркая,
кожный покров,
искусство —
всё производное твоей нищеты;
береги его как зеницу ока —
ибо это всё, что есть у тебя.

Удивлённо глядит человек, поднимает брови:
ты — тоска, изыди, седи молчком,
у меня златые горы и пальмовый рай,
у меня под ладонью космос, едва захочу,
мне не надо других богатств и роскошных яств,
мне не надо твоей Гвинеи —
всё, что нужно, во мне самом.

Замолкает тоска,
машет рукой на сумасшедшего,
становится речью с тройным дном.

Человек прекращает речь,
падает в изнеможении в траву.

Заплата его поднимается высоко,
сверкает,
верит, что она звезда,
кожный покров,
искусство.

* * *

Елене Соловьёвой

у тьмы две пяди отвоёвано
 для тех в ком свет уже погас
 закрыты вены растворённые
 распахнут космос напоказ

там голосами предотлётными
 трёх прошлых жизней гул ночной
 влечёт с их бреднями и грёзами
 под лёд под лёд но боже мой

зачем отливами приливами
 они зовут иди сюда
 их трёп застольный и реликтовый
 переросла моя беда

она теперь берёт средь праздника
 лишь конькобежцев на испуг
 и вот легко встаёт неправильный
 один всё победивший звук

бокал роня между титрами
 косноязычит во хмелю
 и не поймут никто притихшие
 как я теперь его люблю

как смерть растяжками и травмами
 кидает понт один из двух
 но музыкально только странное
 и непрозрачное на слух

* * *

Мы с тобой — белый грим и шаманский псалом,
 из гнезда разорённого — птичий галдёж;
 так о чём раздражённым своим языком,
 деревянная дудка, поёшь?..
 Бродишь-бродишь и девушкам спать не даёшь
 по фиасковым травам-лугам;
 если родиной это потом назовёшь —
 постарайся не очень пугать.
 Если матерью позже тебя назову —
 постараюсь хлестать в полкнута;
 встанет музыка горлом в родильном гробу,
 всё равно не поймёт ни черта.
 Ни креста не поймёт, ни греха не простит,
 отходного не взыщет гудка;
 станет песней, уйдя в неоплатный кредит,
 кровь под пальцами часовщика.
 Дай же труд разделить им: фабричная клеть
 и угодя в три пота — ему;
 ей — окрашенным в алое голосом петь,
 не причастным уже ничему:
 белый шум на плечах, фронтовая тетрадь —
 знать, по-взрослому стала играть:
 оторвётся, заснёт — и проснётся опять,
 оторвётся — срастётся опять.

* * *

I

Говорит: уходи, не жена тебе, не сестра,
у меня за спиной ледяные поют ветра,
серый дым, разорённый прах, сердце — пепел и перегной,
стольких вынесла на руках, что пора зимовать одной.
Королевство моё — вся Земля в озорном дыму,
подходи, ё-моё, дай вот так тебя обниму,
отпущу да запомню, оставлю в себе самом,
в этом доме горящем, зареве золотом —
грампластинкой бракованной в круге восьмом дудеть;
помашу на прощанье — никто я и звать нигде;
не просись ко мне на руки, в пустошь, прожжённый рай,
я спасала тебя, а теперь ты большой, ступай.
За тобой посылала и ялик, и целый флот,
заставляла поклоны стучать у семи господ;
слишком сера твоя крепка, слишком вера моя мала,
дуру новую находи — разлюбила, ушла-ушла.
Там в небесных садах у меня зацветает хмель,
там расколота в щепы новая колыбель
на мели — ну а ты живи до второго дня;
вот и всё, вот и всё, вот и нет, больше нет меня.

II

— Молодым назову, грозovým тебя, чистovým,
безошибочным именем нареку, —
говорит, — и прошлое — дальний дым,
поутихишие выстрелы на бегу,
пруссский полк, уходящий в тиши лесной, —
говорит, и слова — приручённый бог, —
не с тобой это страшное, не со мной,
просто «как нельзя» театральное, назубок,
«как нельзя» первозданное, напоказ,
материнский гром, небольшой порез, вереница ос;
жизнь другую бери, этой хватит с нас,
вся она — не бросок, а марш, тишина впроброс, —
говорит белозубо, и шёпот — что крик, и взмок
от её надежд черновой хребет,
и уходит вдаль человек-песок,
как до слов жемчужных, — и наг, и сед,
сам себе тихий памятник, бог внутри,
скорбный дух, осквернившийся белизной;
и не хочешь смотреть — так смотри, смотри
в три подзорных на ответ его иной:

*зренье, вот, — заменяй заресничного слепыша
знание, вот, — заменяй первородного голыша
память, вот, — не роняй, на ладони пустырь держа*

как велит убегающая душа

* * *

У причала рыбачит ночной гармонист,
 подплывает краса-панихида:
 ослепительный голос, чешуйчатый свист,
 по бокам — золотистая свита.
 — Ой, пойдём-ка со мной, панихида-беда, —
 раздаётся гармонь белозубо.
 Отвечает краса: не пойду никуда,
 я — звезда, подневольная рыба.
 Я в реалисти-шоу, я в шаре большом,
 в жарком чане, космической бане.
 Низко об пол стучит целлулоидным лбом
 тeneвая моя, тeneвая.
 Раз — молитва — поклон, два — молитва — поклон;
 бьёт удары за меткое право
 стать одной из монро, стать второй из мадонн, —
 да не выйдет ни цента, ни грамма.
 Ибо розданы роли, сверкает ремонт,
 разливается газ веселящий;
 пробирается луч золотой, непрямой
 на коробки, столешницу, ящик.
 Раздражается кисть, занимается свет,
 веет с моря ночная прохлада;
 всё забыто-закрашено, прошлого нет —
 и не надо, не надо, не надо.

* * *

Серафиме Орловой

вот любовью летит самолёт навьючен
 в голове у пилота секретный ключик
 им легко открывается чёрный ящик
 и выходит на старт человек поющий
 уверяя что истинный настоящий
 достаёт мандолину поёт о странном
 про любовь про весёлую оклаходу
 кукурузное ранчо большую рану
 приближаясь в полёте к себе живому
 где-то зарево реет и флаг трепещет
 слепнет маленький бог в окуляр глядящий
 развеваются полы одежды вещей
 и нисходит на мир белый свет летящий

— я, — говорит, — *из последних последний*
зачем тебе моё сердце степного волка
и тоненький-тоненький голос на дне колодца
руку протянешь не вернёшься заледенеешь
не отнимай моё ранчо лети обратно

по звёздному трапу спускается маленькая гермина
 разбивает небесную мандолину обрывает песню
 к чёрту твоё ранчо и оклаходу
 к чёрту твоё сердце степного волка
 протягивает руку на дно колодца достаёт голос
 рассматривает на просвет
 держит не отпускает

держит не отпускает
 держит
 не отпускает

* * *

*А я уже там, где никто не поможет.
Но ты повторяй,
повторяй,
повторяй...*

Ольга Седакова

Герой с мировой возвратился пешком,
с нецарским двором, непобедным флажком,
с постыдной дырой оркестровой,
залатанной косо в делах и в бегах,
с нелепицей зренья на влажных устах
и песней на бельмах бредовой.
Неузнан, кивает: вон тот — это я,
беззубую пайку ломая.
Не тех ты гнала, дорогая моя,
ждала не того, дорогая.
Я зренье отныне двойное твоё,
твой голос протяжный отныне,
твой хлеб, обожжённый с обоих краёв,
Творец, возмечтавший о сыне.
Меси мне огонь в домовитой груди,
а вместо ребёнка на плечи сади
нестрашного зверя ручного,
чтоб виделся свет у него на пути
и верилось: всё впереди, впереди —
и тяжесть, и память, и слово.
Чтоб эта меня убелённая речь
прогрызла — а ты не смогла бы сберечь,
о праведный бэйби спартанский.

Дыра зарастает. Оркестрик поёт
о том, что никто никогда не умрёт,
никто никогда, никогда не умрёт.
...Возносится камень — и стёкол не бьёт.
И двор отражается царский.

* * *

Когда зелёное кино
идёт-гудёт по залу тёмному,
и океанский звон ушной —
замена слуху повреждённому
(а я тот звон за три гроша
у дурака-туземца выменял), —
на красный свет гуляй, душа,
вразвалочку по стрёмным линиям.
Взглянув уже с той стороны
экрана на дела трамвайные,
она сметёт из головы
в сторонку почести случайные;
великосветскою метлой
укажет место в бестиалити
(из списка вон — и с глаз долой,
чтобы о нём — ни слова памяти);
протянет в кассу горсть банкнот —
свой откуп за меня иудливый —
и, как безумный полиглот,
в последний раз ночную улицу
с того на этот перейдёт.

СЫН ПРИЁМНЫЙ СКРИПОЧКИ ДВЕРНОЙ

Срединное слово «тишина» из вынесенного в название телеграммного, точнее позывного, отрывисто проговариваемого сочетания «решето тишина решено», становится первым словом стихотворения, открывающего эту книгу: «Тишина приходит — речной и вечной...». В этом знаковом стихотворении чуть ли не графически прорисовывается система координат, пространственно-временной перпендикуляр: «время, рассечённое пуповиной/ на тебя и простое “без”». Поэт почти поочерёдно обозначает горизонталь и вертикаль: «ивовая дудочка напрямик», распластанный спящий, «незаживший шрам», голые шпалы, берега реки и стыда (горизонталь); дно, означенное своим отсутствием, лицо, обращенное «в небо», подъём и снижение «в прорывные бреши Твоих небес» (вертикаль). В точке их пересечения, в точке условного нуля звучит тишина, но в финале стихотворения — сверху «проливается» свет, растекаясь по горизонтальной глади метафорической реки, и тут же отражается обратно — вверх.

Поэт, «обживающий ад языка» (и, добавим, обживающий его рай), держится этого вертикального зачина — идеи, пользуясь музыкальным термином, «развёрнутой вертикали» — лицом к небу, обращённым ко всеслышающему адресату, который, в свою очередь, отражается в поэте, отвечает ему. Сквозь цельный текст книги продолжают звучать отрывистые позывные: «пепел, я ветер, как слышно, приём-приём», «уходи, уйди, пойдём со мной», «первый-первый, я оживший стыд», «ибо время быстро твоё уходит/ ибо это время твоё уходит/ ибо время время твоё уходит», «кто влюблён кто влюблён кто влюблён» (в контексте книги почти неузнаваемое, заимствованное из

некогда популярного шлягера), «война войне войной», «пропеть пропел пропой», «понять пойми испуг», «не услышу/ не спасу/ не замолчу», «завучи/ вспыхни/ ответь», «тает, слепнет, в прошлое летит». Эти позывные — из категории ответных, хотя бы на эти, посланные в конце восьмидесятых: «Слава тебе и хвала тебе, каждый,/ что-то вписавший остатками языка./ Славен голод писчебумажный/ всех унесённых за облака,/ чудом спасших себя от жажды/ умереть-уснуть и не быть, не бывать пока» (М. Айзенберг). Свойственная Борису Кутенкову намеренная фразеологическая фрагментарность не только усиливает интонационную интенсивность его стихотворений («держит не отпускает/ держит не отпускает/ держит/ не отпускает»), но и «расчленяет» их на синтаксические единицы, такие, как ритмические повторы и паузы («опытом замолкая/ музыку извлекая»), фонетические и лексические репризы, вопросы и ответы, контрастные сочетания. Вплоть до финальной точки книги длится зигзагообразное движение: «если б не музыка, смутный её зигзаг...» О движении речь пойдёт чуть ниже, но сначала — о музыке, связанной у Кутенкова с концептом движения.

Стихотворные строчки действительно напоминают линейки нотного стана, и так же, как для целостного охвата музыкального текста требуется умение следовать его гармоническому строю, для восприятия отдельного стихотворения (и книги в целом) необходимо сильное следование его образной и звуковой логике. Музыкальный текст, прочитываемый с нотного стана, имеет как горизонтальное, так и вертикальное измерение, поэтому и его восприятие условно делится на дольное и поперечное, и если горизонталь — аккорд, то вертикаль — тональность, заметим, одна из главных поэтических составляющих. Мне не известно, умеет ли автор читать музыку, но это и не столь важно. Поскольку в таких случаях вспоминается Блез Паскаль, отец которого, обеспокоенный чрезмерным увлечением ребёнка геометрией, отнял у него учебник и тем самым подвиг на самостоятельные

секретные исследования, «выдумывание» своей терминологии. Сам о том не ведая, Паскаль доказал одну из эвклидовых теорем, а несколькими позже, в одиннадцать лет, написал «Трактат о звуках»... Поэт, пускай формально не обучавшийся музыке, но наделённый абсолютным слухом, точным глазомером и чувством гармонии, пишет свой поэтический трактат о звуках. Кутенков закончил Литературный институт, но словарь из музыкального «реквизита» в его стихотворениях не случаен: дудочки, симфонии, пластинки, песни, голоса, оркестры, музыканты, пение и производные от вышеперечисленных; а также обратные, изнаночные — шумовые помехи, галдёж, тишина, глухота, немота: «милый ангел сорной речи,/ дай немного немоты». Как, впрочем, и сугубо фонетические, «бесмысленные», вроде считалок или припевов из детских песенок: «ту-ту», «тра-ла-ла», «динь-динь-бом», «труда-да-да», «тили-тили-тили-бом», «ти-ри, ти-ри, ти-ри-ри». Так птица поёт, чтобы петь, «обо всём кроме смертного смысла сказать не умея». Само слово «музыка» — из встречающихся в этой книжке с наибольшей частотой. Поэт ведом не только речью, но и слухом: он сначала слышит и лишь потом видит отражение ада в раю, а смерти — в жизни. Он заговаривает и жизнь, и смерть, которые в его поэтическом преломлении зачастую предстают зеркальными двойниками:

*тенью шуриать в небывалом дне
с краешка на пиру
слышать как ты заживёшь во мне
как я в тебе умру*

*видеть как голос сквозь сон и смех
слышится без прикрас
помнить как все забывают всех
смерть забывает нас*

Почти в каждом стихотворении нотный лист сложен вдвое, согнут либо приблизительно по центру, либо чуть ниже, ближе

к концу, с тем чтобы всё проговорённое и прожитое, увиденное и прочувствованное совместились, нашло свой звук и пропело единую мелодию, смешивая ад и рай, небо и землю, живое и мёртвое, кричащее и бессловесное: «рай безязыкий твоя страна/ много симфоний да речь одна/ камерный перестук».

Стихотворения Кутенкова, за некоторыми исключениями (как, например, «Никогда не умерший, не погасший...»), почти лишены деталей и реалий, бытовых или исторических достоверностей, подробностей частного и общего характера — всего того «материала», из которого по большей части «воздвигаются» современные поэтические тексты. Кутенкову путь популярного нынче поэтического «натурализма» не интересен, собственно, потому, что слишком проторен другими, а местами даже старательно утопан. Поэт выбирает, по Роберту Фросту, «road not taken», стезю, заведомо более рискованную (рискуя быть непонятым, например), но свою. И тем не менее этот мир достоверен, как достоверна музыка, как тактильно и осязаемо всё то, что передано посредством звука, которого лучше не касаться руками — обожжёт: «...только пламя лёгкое мелодий». По правде говоря, порой кажется, будто визуальное даже несколько мешает поэту, будто отвлекая, перебивая складывающийся внутри мотив:

*там нет зимы оно само рутина и зима
так взявший горе на слабо чуждается ума
берёт симфонию трёх нот не зная слова слом
ещё весенний самолет не сбил его крылом*

Иными словами, материал поэта — музыка, то самое искусство, которое, если верить Бродскому, «гибче и неистощимее» жизненного материала, что уже было очевидно в предыдущей книге Кутенкова «Неразрешённые вещи», вышедшей в 2014 году. Так, минимальными, но полнозвучнейшими из средств поэт способен обрисовать эпоху, целое поколение:

*Вот всё, что осталось, — прищуренный взгляд наугад:
минута — и песня летит, не встречая преград,
она — молодая Эдита, пластинка, помеха:
прищавая юность, скольжение поверхностных ран,
пока не сольются в один музыкальный изъян,
наличный, представший под лупой для пущега смеха.*

В современном поэтическом пейзаже Кутенков стоит немного особняком (из отдалённо созвучных ему назову лишь Надю Делаланд). Но его корни, задевая по касательной поэзию старших современников (например, раннего Алексея Цветкова или Михаила Айзенберга в «Указателе имён»), уходят дальше, к первой половине прошлого века. Так, в одном, тоже музыкальном, полном реминисценций и экивоков стихотворении слышится одновременный разговор с Мандельштамом, Цветаевой и Ходасевичем:

*Возьми себе из речевого ила,
со дна того, что произнесено, —
свистульку, песню с будущим дебила,
монетку, золотую, как зеро;
из ада языка, из тьмы фейсбука,
всего, что есть ещё не ты, —
возьми пластинку медленного звука,
горячую просфору немоты;
пусть в жизни — сор, в тетради — сон небесный,
ты в нем — заданье, снаряжённый гость;
потом — легко приподнимись над бездной,
над всем, что не досталось, что сбылось;
там в зеркале — собрат, старик-ребёнок,
пускай не по тебе его пути,
но — обций звук, от пенья отделённый,
но — смерть его, что изнутри скребётся,
не выпусти — и в песню преврати...*

И это не попытка оживления «мертвецов», не робкий шёпот озирающегося в музейной лавке, а живой разговор, плавное

течение которого, устремленное в неясное будущее, искусно огибает водоразделы, естественно смешивая «свое» с «чужим», точнее, даже не разделяя, — как и должно происходить в единой экосистеме. Кутенков умеет слушать других, умеет читать, и ему есть что ответить.

Примечательно и то, что поэт способен отступить от себя самого, при этом не отказавшись от собственного голоса, не фальшивя, никому не вторя и не подпевая, а собственно, отступив на шаг, взяв новую ноту. Такие, всегда непредвиденные отступления то звучат неожиданной песней в песне с двойным дном, то оборачиваются диковинной птицей, внезапно вылетающей из рукава. В этой книге — несколько подобных отступлений, к которым в первую очередь относятся «Когда прощальный допоёт гобой...» и «Ухватить бы момент фотовспышки, когда до предела...», размещённые примерно в середине книги. Стихотворение вообще, грубо говоря, почти всегда импровизация, в которой нет, не может быть неправильных нот, могут быть фальшивые или лишние, но их наличие или отсутствие зависит от масштаба дарования музыканта. А Кутенков — искусный импровизатор своих же мелодий:

*Человек живёт, чему-то служит,
поясок затягивает туже,
ищет ключик — на-ка, подбери! —
к тишине, которая снаружи,
к музыке, которая внутри.*

Однажды мне довелось слушать и смотреть в записи, как Борис Кутенков читал свои стихи. Он ходил по предполагаемой сцене, поворачиваясь то анфас, то левой, то правой стороной к слушателю, иногда же просто покачивался, будто в попытке удержаться от одолевающего его импульса движения. И вышеописанное — не праздно наблюдение, поскольку дело даже не в естественном повиновении ритму, внутренней музыке стихотворения, которой автор в момент декламации всецело подчинён. Многие стихотворения книги подтверждают

стремление поэта к движению, не всегда чётко осознанное, но подспудно осмысленное, не случайное: нарратор (и поэт, и так называемый лирический герой, и в то же время ни тот, ни другой, а некто суммирующий эти две ипостаси) то подходит к краю, то отходит в глубину «сцены», поворачивается к читателю то одной, то другой стороной. По сути, он неуловим, он выскользывает из рук, как птица, как рыба, — в свою, скрытую под толщей азота или воды среду. Многие стихотворения Кутенкова предстают попыткой вынырнуть, чтобы тут же скрыться, кропотливым процессом «преодоления материала», победой поэта над ним, его — над поэтом. Как здесь не процитировать Мандельштама:

*Люблю появление ткани,
Когда после двух или трёх,
А то четырёх задыханий
Придёт выпрямительный вздох.*

*И как хорошо мне и тяжело,
Когда приближается миг,
И вдруг дуговая растяжка
Звучит в бормотаньях моих.*

А вот — «бормотания» Кутенкова, заканчивающиеся излюбленным авторским приёмом, двойной «дуговой растяжкой» в финальном двустручии:

*Садись непознанным, урок,
вблизи ложись, война, —
на озарённый потолок,
теней скреещение, на
окно, в котором свет видней, —
не отвести лица, —
где жизнь страшна, как будто ей
ни края, ни конца;*

*где взят билет на одного
(так страшно, будто — мне);*

*тот свет не тронет никого,
садись, не быть войне,*

*а смерти быть, но не впускай,
дай руку, вот рука;
как будто — пульс, лицо, трамвай, —
гляди поверх зрачка, —*

*как пульс, трамвай, в окне звезда
отодвигают час:
так — принимая навсегда,
так — забывая нас.*

Появление и исчезновение, чередование жёсткого и мягкого (то «город золотой», то «отблеск теневой», «человек сам себе наречённый дым/ с торфяною музыкой у виска», «как звезда во лбу — подступает ночь,/ на окне табличка — ветшает речь,/ повторяя сквозь дым: никому помочь,/ никого вернуть, никогда сберечь»), затвердевание предмета, плоти, формы и почти мгновенная диффузия вышеозначенных «в ничто, в метро, зеро,/ в “нет-весь-я-не-умру”» — нуждаются в настойчивом, напряжённом слогe, в позывных, упомянутых выше:

*— Я из крови, — говорит, — из плоти,
первый-первый, я оживший стыд;
яблоком хрустит, мотор заводит,
тает, слепнет, в прошлое летит.*

Перемена состояний (звезда-ночь-табличка-речь-дым-пустота), константное приближение и отдаление («под ребром полёта ждут качели,/ рвутся мины, всходят имена»), сменяющие друг друга гибель и рождение (человек «может снова со связкой фруктов искать больницу/ или просто пойти родиться», а может вернуться «обратно — в предродовую тьму») — это тоже динамика противостояния окончательной окостенелости. Не случайно мотив движения отчётливо проступает в поэзии

Кутенкова: билет, трамвай, побег, полёт — образы в данном случае из неизбежных.

Условным эпиграфом к «решето тишина решено» Бориса Кутенкова хочется предложить строчки Алексея Цветкова из «Прощания Гектора с Андромахой»:

*Породу предам человечью,
Несметную силу страны
За космос, пронизанный речью,
Как светом речные стволы.
Чтоб медное сердце знобило,
Сибибая волной гольши,
Чтоб слово мне музыкой было,
А зрение — слухом души.*

Перед читателем — образец такой поэзии, в которой жизнь одинока и обособлена, но не пуста, трагична, но не беспросветна, поскольку проживается на слух — слух абсолютный и чуткий, интуитивный и природный, выработанный и развитый, опережающий и взгляд, и прикосновение. Всё в этих стихотворениях, от дверного скрипа до летящего самолёта, звуконаполнено, читай — смыслонасыщенно, и многое в них — «чем случайней, тем вернее». Словами поэта: «чем обречённой тем верней/ у речи на краю».

Марина ГАРБЕР

СОДЕРЖАНИЕ

I
если б не музыка

«Тишина приходит — речной и вечной...»	4
«обживающий ад языка говорит...»	5
«Вот человек — несмыаемый белый грим...»	6
«Это было пустячком...»	7
«Человек живёт, чему-то служит...»	8
«сон на рассвете уйдёт сиять...»	9
«Садись непознанным, урок...»	10
«так отвыкнуть что бдеть еженощно над прерванным словом...»	11
«Никогда не умерший, не погасший...»	12
Три этюда	
I. «в однострунной посуде музыка живёт, звеня...»	13
II. «в ящике скорби и радости...»	14
III. «почуять над собой бессрочный свет...»	15
«Где целый алфавит...»	16
«Назначь голосовую тьму...»	17
«Пуля твоя, полетав у виска три года...»	18
Памяти Ирины Медведевой	
I. «Как ищущий света в горящем на воре...»	19
II. «За подарок речи без языка...»	20
III. «последний грим прилégший на лицо...»	21
«Быть в ответе внезапно — под занавес, год...»	22
«всё это до снега когда по плечу...»	23
«Вот всё, что осталось: безбытность, серебряный жмых...»	24
Асе Климановой	
I. «Два пути у всякого: сорная речь-ограда...»	25
II. «Перед тем, как замолчать...»	26
III. «Возьми себе из речевого ила...»	27
«По ошибке зашедший во двор роддома...»	28
diversis partibus mundi	30
«когда над линцем будет дождь и над брюсселем дождь...»	31
«Замирает поезд, и все легки...»	32

II
прерванным словом

«Музыка исчезла за углом...»	34
«Никогда ничего не смогу удержать...»	35
«Девочка, скорлупка, недотрога...»	36
В. Б.	
I. «до исхода помнить до заката...»	37
II. «набоковский маршрут...»	38
«Страшно в черепе гулком средь рыб и стрекоз...»	39
«по радио звучит печальное...»	40
«Мать убитого сына три ночи ждала и три дня...»	42
Игорю Хохлову	
I. «кто стреляет до зари...»	44
II. «с тех пор как высший вместо языка...»	45
III. «Ничего ещё не кончается...»	46
Песенка о льяном человеке	47
«ставший горячей точкой планетой алой...»	48
«Когда прощальный допойт гобой...»	50
Марине Гарбер	
I. «Под откос отправляется частная жизнь музыканта...»	52
II. «Посмотри — за окном перебежчик с огнём...»	53
«Так свет и ужас говорят...»	54
«Вот идёт дровосек осторожно по минному лесу...»	55
«Лес горит — прозрачным ли, золотым...»	56
«Ухватить бы момент фотовспышки, когда до предела...»	57
«Смотри, пока небесный доллар высится...»	58
Солдатык беды	59
«На побывку вернулся из смерти солдат...»	60
«куда бы смертный от белковых тел...»	62
«Монастырскую братию не буди...»	64
«Так холм, отбирающий слух у цветка...»	65
«когда без края и стыда...»	66

III
за всё что не доплыть

«марсианин живёт полупьян неуместен и розов...»	68
Exstinctio generalis	
I. «слух мусульманский ошкуранный сердцевинный...»	69
II. «первой мать проходит, а после — миф...»	70
III. «где-то на расстоянии краха...»	71

«сыграем со мной в спасенье...»	73
Д. Ф.	
I. «я не помню тебя живой...»	74
II. «размывается речь и навстречу её гололёду...»	75
«Так лайков не ждут, — только лайка, и вот...»	76
«ворован воздух три мешка...»	77
Серафиме Орловой	
I. «по третьему звонку гаснет свет...»	78
II. «как цепная речь толкается изнутри...»	80
Ольге Балла	
I. «лето кругом но заказчицы крики слышны...»	81
II. «на птичьем ли человечьем ночном...»	83
«когда оставит глядящий сверху...»	84
«час говори с проходящим по кромке, ацтек...»	86
«как прижатый вагонной дверью щегол...»	87
«таков познания шлюз новооткрытый...»	88
«сквозь прорывных небес...»	89
«Свет в окне вагонном — но Бога нет...»	90
Марине Вахто	
I. «между совестью и пыткой...»	91
II. «К человеку тоска приходит...»	92
«у тьмы две пяди отвоёвано...»	94
«Мы с тобой — белый грим и шаманский псалом...»	95
Диптих	
I. «Говорит: уходи, не жена тебе, не сестра...»	96
II. «Молодым назову, грозовым тебя, чистовым...»	97
«У причала рыбачит ночной гармонист...»	98
«вот любовью летит самолёт навьючен...»	99
«Герой с мировой возвратился пешком...»	100
«Когда зелёное кино...»	102
Марина Гарбер. Сын приёмный скрипочки дверной	103

Борис Кутенков

Родился и живёт в Москве. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (2011), учился в аспирантуре. Работает репетитором по русскому языку. Стихи вошли в лонг-лист «Илья-премии» (2009), лонг-лист премии «Дебют» (2012), критика — в шорт-лист Волошинского конкурса (2011), премии «Дебют» (2014). Редактор отдела критики и публицистики журнала «Литература». Член редакционного совета портала «Сетевая Словесность» и альманаха «Среда». Автор трёх стихотворных сборников. Стихи публиковались в журналах «Интерпоэзия», «Волга», «Урал», «Номо Legens», «Юность», «Новая Юность» и др., статьи — в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Вопросы литературы» и др. Ведущий рубрики «Книжная полка» в журнале «Номо Legens». Колумнист портала «Год Литературы».

Литературно-художественное издание

Борис Олегович Кутенков

решето тишина решено

книга стихотворений

Выпускающий редактор *Владимир Коркунов*

Корректор *Татьяна Никольская*

Бумага офсетная
Гарнитура Minion Pro
Тираж 450 экз.
Подписано в печать 01.10.2017

«ЛитГОСТ»
vk-84@mail.ru

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл.,
г. Старый Оскол,
Комсомольский пр-т, 73
kvadrat1998@gmail.com